

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ (К ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА)

С 18 по 25 июля в замке Вартенштейн (Австрия) под эгидой фонда Веннер-Грена по антропологическим исследованиям проходил международный симпозиум на тему «Место этнографии („антропологии“) в системе наук (советская и западная точки зрения)»¹. В состав советской делегации входили Ю. В. Бромлей (руководитель делегации), С. А. Арутюнов, В. Н. Басилов, Л. М. Дробижина, В. И. Козлов, А. И. Першиц, Ю. П. Петрова-Аверкиева (Ин-т этнографии АН СССР), Ю. И. Семенов (Министерство высшего и среднего специального образования СССР). Группа зарубежных ученых состояла из 10 человек. В нее входили организатор симпозиума, известный английский ученый Э. Геллнер (Лондонский ин-т экономических и политических наук), М. Фортес — один из крупнейших представителей английской социальной антропологии (Королевский колледж, Кембриджский ун-т), Л. Крейдер (директор Ин-та этнологии, Западный Берлин) — генеральный секретарь Международного союза антропологов и этнографов, видный специалист в области структурной антропологии Ж. Пуйон (Лаборатория социальной антропологии при Коллеж де Франс, Париж), социолог Т. Шанин (Отдел социологии при Манчестерском ун-те), антрополог Д. Гуди (Колледж Св. Иоанна, Кембриджский ун-т); особо следует отметить участие известного французского этнографа-марксиста М. Годелье (Высшая школа социальных наук, Париж). Активно участвовали в симпозиуме и представители сравнительно молодого поколения английских антропологов — Д. Вудбэри (Ин-т экономических и политических наук, Лондон), Т. Драгадзе (Ин-т социальной антропологии при Оксфордском ун-те), К. Хэмфри (Ин-т полярных исследований в Кембридже)². В заседаниях симпозиума, главным образом по организационным вопросам, деятельное участие принимала директор фонда Веннер-Грена Л. Омундсен.

На симпозиум были вынесены следующие основные проблемы: 1. Общеметодологические вопросы этнографии. 2. Закономерности развития первобытного общества и образования государств. 3. Этнография и смежные науки (психология, лингвистика, социология, демография, религиоведение).

Организация и проведение симпозиума имели свои особенности. Почти все доклады были подготовлены заранее и переведены соответственно на русский или английский языки — основные языки симпозиума. Участники симпозиума имели возможность ознакомиться с ними еще до начала заседаний, поэтому рабочее время было уделено обсуждению докладов. Исключение составляли лишь доклады французских ученых — Ж. Пуйона и М. Годелье, приглашенных на симпозиум незадолго до его начала. Кроме того, для более эффективного обсуждения докладов они были разбиты тематически на группы в два-три доклада, причем каждый советский автор имел своего «оппонента» и наоборот. Обсуждение начиналось с выступления «оппонента», который задавал вопросы и излагал свое мнение по обсуждаемой теме; после этого с вопросами и замечаниями выступали все желающие.

Немаловажной особенностью симпозиума было и то, что научная дискуссия велась за круглым столом путем непосредственного общения. Это стало возможным как благодаря знанию языка (часть зарубежных ученых знала в той или иной степени

¹ В зарубежной литературе термины «социальная» или «культурная» антропология близки нашему термину «этнография». Ниже во избежание путаницы мы будем пользоваться последним.

² В таком подборе участников несомненная заслуга Э. Геллнера, а также директора фонда Л. Омундсен.

русский язык, часть советских ученых владела английским), так и благодаря работе переводчиков. Такое общение допускало возможность при особой необходимости даже прервать выступавшего, чтобы тот пояснил свою недостаточно понятую участниками симпозиума мысль или смысловое содержание употребленного им термина. Необходимость усиления взаимопонимания обуславливалась тем, что на симпозиуме встретились ученые, не только говорившие и думавшие на разных языках и придерживавшиеся различных научных взглядов, но и имевшие в значительной степени различные системы мышления, каждая со своей методологической базой и понятийно-терминологическим аппаратом, а также с традициями ведения научных дискуссий. Немалое время потребовалось для согласования одной лишь терминологии, так как наряду с различным пониманием отдельных слов (например, «нации» и «национализм») были случаи, когда за терминологическими различиями (например, «надстройка» и «суперструктура») скрывались различные концепции. Однако затраченное на это время окупалось повышением научной продуктивности дискуссии.

Еще до начала симпозиума обнаружилось существенные различия в подходе к тематике докладов со стороны советских и зарубежных ученых. Советские ученые приняли тематику в ее методологически значимом содержании и представили доклады с охватом широкого круга вопросов, касающихся задач этнографии и ее соотношения с другими науками. Большинство же западных ученых представило доклады либо на узкие темы (например, не о взаимоотношении этнографии и религиоведения, а по вопросу о происхождении северосибирского шаманства и т. п.), либо по вопросам, лишь косвенно связанным с тематикой симпозиума (например, о национализме, о роли грамотности и т. п.). В этой ситуации советские ученые могли оказаться в положении стороны, которая в случае методологических разногласий должна обороняться по широкому фронту, в то время как их оппоненты сконцентрировали силы на узких направлениях. Задача советских ученых состояла в том, чтобы нацеленными вопросами и замечаниями предложить зарубежным коллегам изложить взгляды по более широкому кругу вопросов, связанных с тематикой симпозиума.

По первому кругу проблем, обсуждавшихся на симпозиуме, с советской стороны были представлены два доклада: Ю. В. Бромлея «К вопросу об объекте и предмете этнографической науки», Ю. П. Петровой-Аверкиевой «Историзм советской этнографической науки»; с западной стороны: Т. Драгадзе «Некоторые замечания к пониманию теории „этнуса“», Э. Геллнера «Национализм», Ж. Пуйона «Структурализм и антропологические исследования».

В докладе Ю. В. Бромлея было показано, что объектом этнографии являются прежде всего этносы, которые подразделяются на этникосы и этносоциальные организмы (ЭСО). Главный критерий для определения предмета этнографии находится среди типологизирующих свойств этноса, т. е. его специфических функций (этнодифференцирующих и этноинтегрирующих). Рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этих функций может служить основанием для выделения предметной области этнографических исследований. Ядро предмета этнографии составляет традиционно-бытовая культура, ибо чаще всего именно она выполняет основные этнические функции. Указанный критерий помогает разграничению этнографии и смежных с нею дисциплин. Вместе с тем необходимость всестороннего освещения этнических общностей обусловила появление пограничных дисциплин на стыке этнографии со смежными науками (географией, антропологией, демографией, социологией, лингвистикой и др.). Историзм этнографии определяется прежде всего тем, что этносы — динамическая, изменяющаяся во времени система.

Э. Геллнер, выступая по докладу Ю. В. Бромлея, сказал, что английские этнографы также придерживаются принципа историзма. В последнее время они отступили от традиций, сформировавшихся еще при Малиновском, а также расширили фронт работы, включив в сферу исследования и жителей развитых стран. Однако в отличие от советских этнографов они делают больший упор на полевые, а не на литературные источники, на структуру изучаемых явлений, а не на культуру вообще.

Доклад Т. Драгадзе по существу дополнял доклад Ю. В. Бромлея, так как основное внимание в нем было уделено интерпретации взглядов советских ученых по теории этноса. В докладе отмечено, что для советской этнографии характерен историзм; история человечества рассматривается советскими учеными как процесс после-

довательной смены универсальных стадий развития. Этнос как социальная единица является важным аналитическим понятием, ибо он прослеживается на всех стадиях истории, хотя и принимает различные формы в зависимости от типа общества, в котором он существует. По мнению Т. Драгадзе, основную константу этноса составляет самоназвание входящих в него людей — этноним.

В своем выступлении Т. Драгадзе подчеркнула важность понятийного аппарата для этнографической науки. Она попросила Ю. В. Бромлей уточнить сущность классового и этнического аспектов в культуре, а М. Фортес — уточнить сущность этнической принадлежности. М. Годелье сообщил, что во время полевой работы среди папуасов баруйя он столкнулся с существованием представления об определенном культурном единстве группы племен без общего самоназвания.

Отвечая на выступления и замечания, Ю. В. Бромлей отметил, что методика науки не имеет прямого отношения к определению ее предмета. В этнографии мы не противопоставляем полевых источников литературным; те и другие требуют критического анализа. Каждая наука изучает определенные стороны реальности. При выделении этноса как объекта исследования мы обращаем главное внимание на этнические аспекты культуры. Подходя к этому функционально, можно сказать, что искусствоведы изучают эстетические аспекты культуры, этнографы — этнические аспекты, по своей сущности традиционные. Опираясь на мысль В. И. Ленина о существовании двух культур в буржуазных нациях, можно сказать, что в каждом ЭСО классового общества есть различия в культуре. Однако это не исключает и общности по некоторым параметрам культуры; для этнографов в отличие от социологов важно именно это общее в культуре членов ЭСО. При определении этноса следует учитывать, что культура (например, в случае миграций частей этноса) может быть более устойчивой, чем социальная структура. Своеобразие этноса обычно устанавливается при сравнении его с другими. Представление об этническом единстве и этнической принадлежности опирается на объективную реальность, хотя и не всегда совпадает с ней. Если у группы людей нет самосознания, то существование этноса спорно. При этом в самосознании может отразиться иерархичность этносов. Возможно, что упомянутые М. Годелье новогвинейские племена объединяются в этнокультурную общность более высокого уровня; следует проверить, нет ли для этой общности специального этнонима у ее соседей.

В докладе Э. Геллнера о национализме говорилось о необходимости изучения этого важного для современного мира явления. По мнению автора, современное общество централизовано в политическом отношении и отличается от примитивных обществ четким разделением социальных и экономических ролей; вместе с тем в нем нет прежней замкнутости производственных групп, существует большая мобильность, сдерживаемая необходимостью специального образования. Свободное предпринимательство постепенно уступает место государственно контролируемой экономике. При этом государство неизбежно пользуется набором ценностных ориентаций, связанных с национализмом, с языковой и культурной общностью его граждан.

Отвечая на вопросы Ю. В. Бромлей о соотношении понятий «нация» и «национализм», «национализм» и «этноцентризм», а также на вопрос Т. Драгадзе о связи национализма с конфликтной ситуацией, Э. Геллнер пояснил, что он связывает национализм не с понятием «нация» в принятой на Западе его трактовке, а с понятием «этничность», которое охватывает все этнические группы нового времени. Вместе с тем «этноцентризм» — иное понятие, нежели «национализм»: первое относится ко всем типам этносов и обусловлено отрицательным отношением к другим народам, второе связано с политической доктриной, согласно которой государственные границы должны совпадать с языково-культурными, а господствующие и угнетенные группы должны принадлежать к одной нации. Промышленное общество с его активной горизонтальной и вертикальной мобильностью легче терпит социальное неравенство, если оно не связано с этническим. В доклассовом обществе нет проблемы национализма, но и в классовом он возникает не всегда. В Османской империи, например, различные этносы (турки, греки, болгары, арабы и др.) сосуществовали под единой властью. Только в буржуазную промышленную эпоху, когда решающее значение приобрела социальная мобильность, встал национальный вопрос, требующий разделения этносов, образования национальных государств. По мнению Э. Геллнера, этнические конфликты суще-

ствовали во все времена, но только в новую эпоху, когда на первый план, по его словам, выдвинулась «конкуренция аттестатов», они переросли в национализм.

При обсуждении доклада Э. Геллнера Т. Шанин связал возникновение национализма со случаями, когда государство препятствует развитию языка и культуры некоторых этносов. Он счел проблематичной саму идею о разделении социологии и этнографии при изучении современности. Концепция национализма, предложенная Э. Геллнером, по мнению Т. Шанина, не дает ответа на вопрос о причинах роста национализма в современном мире. В. И. Козлов обратил внимание на особую роль этнографов в изучении национализма. М. Фортес высказал мнение о возможности существования национализма и в феодальную эпоху. По его убеждению, этнографы в отличие от социологов должны акцентировать внимание на явлениях этничности в различных социальных слоях, например, при изучении классов — на стиль, образ жизни и т. п. М. Годелье указал на специфику развития национализма в бывших колониальных странах (например, на Новой Гвинее), где с получением независимости началось формирование административной элиты; в этих странах государство формирует нацию, а не наоборот. Ю. В. Бромлей отметил связь национализма с развитием средств массовой коммуникации, способствующих осознанию этнического неравенства на уровне этноса. Поскольку в западноевропейских языках смысловое содержание термина «нация» близко к «государству», целесообразно различать национализм этатический (государственный) и этнический; этнографы должны изучать последний. Диалектика современной эпохи выражается в том, что рост национализма сочетается с ростом межэтнической интеграции.

В докладе Ю. П. Петровой-Аверкиевой были охарактеризованы методологические принципы советской этнографической науки как исторической дисциплины, основанной на марксистском материалистическом понимании истории. Понимание исторического процесса как прогрессивной смены общественно-экономических формаций было противопоставлено эволюционизму. Критикуя неверные трактовки такого подхода в западной литературе, Ю. П. Петрова-Аверкиева показала диалектическое сочетание в работах советских этнографов эмпирического и теоретического знания при решении проблем периодизации этнической истории и типологии этнических общностей.

Выступивший в качестве «оппонента» Ж. Пуйон попросил объяснить отличие схемы Ю. П. Петровой-Аверкиевой, предполагающей, по его мнению, однонаправленное развитие всех обществ, от эволюционизма. Он отметил переплетение внутренних факторов исторического развития с внешними и предположил, что однонаправленное развитие бывших колониальных народов (например, в Африке) обусловлено внешними факторами. По его мнению, один лишь экономический базис не объясняет причины различий в политических, религиозных и других надстроечных явлениях. Следует более четко показать, в чем состоит определяющее влияние базиса: в том, что он порождает те или иные надстроечные явления, или в том, что он препятствует появлению других форм надстройки. В связи с «неотчетливостью» механизма влияния базиса Ж. Пуйон предложил обозначить его термином «нижняя структура», а надстройку — «верхняя структура», объединив то и другое в понятие «структура».

Отвечая на эти замечания, Ю. П. Петрова-Аверкиева пояснила, что эволюционизм признает лишь постепенные изменения, одно- или многолинейные, а марксизм учитывает и наличие скачкообразного перехода из одного состояния в другое. Марксизм считает определяющей роль внутренних факторов развития, но не отрицает существенного значения и внешних факторов, которые воздействуют на характер социальных институтов и на другие надстроечные явления. Можно предположить, что африканские народы достигли бы уровня наций и без внешнего влияния, сохранив при этом больше своеобразия в социальных институтах и культуре. Типология общественно-экономических формаций не предопределяет особенностей конкретных обществ, в частности политических и религиозных институтов.

Э. Геллнер, отметив, что развернувшаяся дискуссия частично связана с недостаточно ясным пониманием учеными Запада позиции советских ученых и различиями в терминологии, предложил советским участникам симпозиума вкратце изложить главные положения исторического материализма. По этому вопросу выступил Ю. И. Семенов, раскрывший содержание основных категорий материалистического понимания истории. Особое внимание было уделено им обоснованию марксистского взгляда на

историю человечества как на естественноисторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций. Выступление Ю. И. Семенова вызвало большой интерес, и Э. Геллнер внес предложение опубликовать его полный текст среди материалов симпозиума в качестве дополнительного доклада.

В своем выступлении М. Годелье сказал, что поставленный Ж. Пуйоном вопрос о различных сторонах определяющей роли базиса заслуживает более тщательного рассмотрения. Следует показать, что лежит в основе автономии тех или иных надстроечных явлений. По мнению М. Годелье, различия между базисом и надстройкой более функциональны, нежели институциональны. Поясняя свою мысль, он остановился на относительной самостоятельности систем родства, которые выполняют две основные функции: определяют порядок наследования и правила брака; то и другое не может быть выведено непосредственно из экономики; представительская часть отношений родства не является адекватным отражением базиса.

Ю. П. Петрова-Аверкиева отметила, что такая позиция в принципе не расходится с позицией советских ученых. Для понимания природы тех отношений родства, которые не вытекают непосредственно из существующих социально-экономических отношений, важно помнить, что в своем развитии отношения родства отстают от развития производства, могут отражать уже исчезнувшие общественные отношения. Так, известные факты наследования власти в раннеклассовом обществе по материнской линии являются функционирующим в узкой сфере пережитком давно минувшей эпохи. В качестве примера анализа отношения базиса и надстройки Ю. П. Петрова-Аверкиева привела бытовавший среди североамериканских индейцев обычай потлача, где за религиозным праздником скрываются социально-экономические отношения в обществе на этапе его перехода от родового к классовому.

Ю. И. Семенов отметил, что как базис, так и надстройка в известном смысле являются структурами, но все дело в том, что первая из них — определяющая. Это не означает, что базис автоматически определяет все особенности надстройки. Так, при буржуазных экономических отношениях могут существовать различные формы правления: монархия, республика, фашистская диктатура. Родственные отношения не выводятся прямо из производственных отношений, но в их основе в конечном счете лежат все же последние.

В докладе Ж. Пуйона о структурализме, основанном главным образом на работах К. Леви-Стросса, были заложены основные принципы структурного анализа, широко применяемого для установления различий как в мифологии, так и во многих других областях культуры. Одной из центральных задач при этом является определение основных элементов структуры тех или иных явлений с тем, чтобы изучить различия в композициях и преобразованиях. По К. Леви-Строссу, структурализм нацелен на изучение надстройки, однако докладчик считает, что он может быть использован и для изучения базиса, тем самым структурным анализом охватывается все общество.

В замечаниях по этому докладу Ю. И. Семенов отметил элементы идеализма в воззрениях К. Леви-Стросса: в одной из статей тот прямо заявил, что социальные структуры существуют не в реальности, а лишь в сознании ученого. Кроме того, К. Леви-Стросс считает выделенные им структуры неизменными, что делает структурный подход мало совместимым с историзмом.

М. Годелье высказал ряд соображений о соотношении структурализма с марксизмом. По его мнению, обвинения в адрес К. Леви-Стросса основаны на недоразумениях. Социальные структуры действительно представляют собой определенные модели, которые строит исследователь, однако за ними стоит реальность. К. Леви-Стросс — атеист и материалист. На определенном этапе развития науки приходится переходить от диахронного (исторического) анализа к синхронному (структурному). В лингвистике этот метод был использован Ф. Соссюром. Так по существу работал и К. Маркс, который дал не историю капитализма, а анализ капитала. Характерно, что лежащее в основе этого анализа понятие прибавочной стоимости или неоплаченного труда тоже является своего рода моделью, ибо обычно люди видят оплаченный труд. К. Леви-Стросс стоял на пути к марксизму, однако не смог объяснить соотношение надстройки с базисом. Что же касается структурного подхода, то в нем есть позитивное содержание, которое, конечно, следует использовать.

М. Фортес заметил, что он сам пришел к структурализму еще в 1947 г., развивая взгляды А. Радклифф-Брауна, в то время как К. Леви-Стросс развивал взгляды Л. Г. Моргана. Структурализм был порожден необходимостью дополнить исторический анализ синхронным. По мнению М. Фортеса, проведенные им полевые исследования показывают, что экономические отношения влияют на структуру отношений родства и правила наследования, но не определяют их.

Д. Гуди заявил, что установленные Ж. Пуйоном при помощи структурного анализа закономерности сочетания религиозной и политической власти у хаджерая (Чад) могли быть получены и другим путем; кроме того, они верны лишь при специфических условиях. Чтобы понять трансформацию явлений, логико-математический подход структурализма недостаточен; следует учитывать факторы, которыми эти изменения определяются. Если К. Леви-Стросс и материалист, то он не исторический материалист.

Ю. В. Бромлей отметил, что при рассмотрении мифов (или систем родства) структуралистами в действительности изучаются не отдельные структуры, а их системы. Поэтому фактически речь идет не о структурном, а о системном анализе.

По второму кругу проблем симпозиума — «Закономерности развития первобытного общества и образование государств» — с советской стороны были представлены два доклада: Ю. И. Семенова «Теоретические проблемы этноэкономики» и А. И. Першица «Задачи и возможности этнографической реконструкции истории первобытного общества»; с западной: Л. Крейдера «Происхождение государства у кочевников Азии», Э. Геллнера «Класс до государства». Советская трактовка африканского феодализма.

Доклад Ю. И. Семенова был посвящен теоретическим проблемам экономики первобытного общества. В нем были подвергнуты критике взгляды, согласно которым марксистское положение о материальности социально-экономических отношений и их примате над всеми прочими социальными связями верно по отношению лишь к капитализму и неприменимо к докапиталистическим обществам вообще, к первобытному в частности. В докладе было показано, что производственные отношения были материальными и соответственно играли решающую роль и в первобытном обществе, однако они детерминировали экономическую деятельность людей иначе, чем при капитализме. Если капиталистические производственные связи, выступая как общественные отношения вещей, прямо, непосредственно, определяют экономические действия людей, то первобытные социально-экономические отношения определяли эти действия не прямо, а через посредство морали, что с неизбежностью создавало иллюзию первичности морали по отношению к экономике. В докладе был подвергнут критике взгляд, согласно которому в первобытном обществе родственные отношения были одновременно производственными, базисными. Как подчеркивалось в докладе, родственные отношения во всех обществах, в том числе и первобытном, являются надстроечными, идеологическими. Специфика родственных отношений в первобытном обществе состояла в том, что они были одной из форм фиксации материальных производственных отношений, это и порождает иллюзию их совпадения с последними.

Выступая «оппонентом» по этим вопросам, М. Годелье заявил, что, по его мнению, система родства относительно автономна и может входить как в базис, так и в надстройку. Под базисом он понимает: 1) природную среду, которая подвергается воздействию человека; 2) производительные силы, при помощи которых человек воздействует на среду, включая в них не только технику, но и мышление, а также язык как средство социального общения; 3) общественные отношения, связанные с собственностью на средства производства, на результаты труда, а также с распределением рабочей силы между отраслями производства. У ряда народов, например, у австралийцев, общественные производственные отношения обусловлены отношениями родства; последнее нельзя отнести к надстройке, так как за ним стоит определенное экономическое содержание, тем самым родство входит в базис.

М. Фортес поддержал мысль М. Годелье об автономности родства, заметив, что родство определяется рождением в определенной семье, вне прямой зависимости от системы экономических отношений. По словам М. Фортеса, было бы, конечно, удобно отослать к надстройке все, что не укладывается в экономико-материалистические схемы, например, религию, и, как бы отделавшись от них, заняться анализом экономического базиса. Но религия — это тоже реальность, с которой следует считаться. Д. Гуди напомнил, что

Ф. Энгельс, говоря об определяющих факторах истории, разделил производство материальных благ и производство самого человека, обусловленное семейной организацией.

В ответе на эти замечания Ю. И. Семенов сказал, что в обществе, в том числе и на первобытной его стадии, всегда господствуют экономические, материальные отношения, которые одни только всегда и образовывали его базис. Тот факт, что система родства относится к надстройке, не исключает ее реальности и возможности ее влияния на базис. Что же касается мысли Ф. Энгельса, то он, видимо, имел в виду биологическое, а не социальное воспроизводство людей.

Доклад Л. Крейдера о становлении государства у кочевых скотоводов Азии содержал общие замечания о предпосылках образования классов и государства; считая таковыми возникновение прибавочного продукта и эксплуатации, Л. Крейдер сделал вывод, что государство формировалось одновременно со становлением классов. Далее он, в основном на примере монголов, рассмотрел основные этапы складывания политической организации кочевников, возникшей у них спонтанно, без влияния соседних земледельческих государств. Особое внимание он уделил «асимметричности» этой организации: возникновению наверху индивидуализированных дружинных отношений при сохранении внизу общинно-родственной организации. Характер социально-экономических отношений в государстве монголов докладчик отнес скорее к «азиатскому», нежели к «феодалному» типу.

Ю. П. Петрова-Аверкиева поддержала историзм в подходе Л. Крейдера к проблеме, отметив вместе с тем недооценку базисных процессов и причин классовой дифференциации в монгольском кочевом обществе и переоценку значения родовых отношений. Она обратила внимание на то, что материалы по индейцам прерий, подобно монгольским материалам, позволяют проследить как зачатки зарождения классов, так и появление элементов государственности в интересах классов эксплуататоров. А. И. Першиц также поддержал в целом концепцию Л. Крейдера, но рассматривал азиатский способ производства лишь как вариант феодализма. М. Годелье сказал, что основное различие между феодальным и азиатским способом производства состоит в форме коллективной собственности: при феодализме это ассоциация помещиков, при азиатском способе производства — владетель и его управленческий аппарат.

Оживленно шло обсуждение доклада Э. Геллнера, который использовал в нем отдельные положения книги Л. Е. Куббеля «Сонгайская держава» (М., 1974). Основная идея доклада заключалась в том, что государственная власть возникает ранее классов и сама служит фактором классовобразования. По мнению докладчика, этнографы-марксисты так или иначе склоняются к этой концепции, заимствуют отдельные положения функционализма, диффузионизма и других западных школ. Докладчик также высказал упрек советским исследователям в том, что они занимают якобы антигуманистическую позицию, считая прогрессом появление на смену первобытнообщинному строю антагонистического классового общества; по его мнению, уместнее было бы принять западную точку зрения, согласно которой эксплуатация — естественное явление, существовавшее и в первобытную эпоху. Вместе с тем Э. Геллнер в целом положительно оценил советские работы по истории перехода от родового общества к классовому. В дальнейшем, отвечая на вопросы, Э. Геллнер сказал, что ему неясна марксистская концепция классовобразования как основы образования государства. Западному читателю странно, что советский автор пишет о власти, которая не эксплуатировала, а занималась организацией торговли. Это приближается к концепции, связывающей происхождение государства с необходимостью поддержания порядка.

Выступая по этому докладу, А. И. Першиц упрекнул Э. Геллнера в неточном понимании работы Л. Е. Куббеля. Классы и государство вызревают одновременно, но класс есть прежде всего базисное явление, а государство представляет собой надстройку. Следует учитывать также, что оформившемуся государству предшествуют предгосударственные структуры, которые Ю. В. Бромлей называет «потестарными»; эти структуры, разумеется, способствуют классовобразованию. Существуют объективные законы истории, по которым первобытное общество сменяется антагонистическим, классовым, способствующим дальнейшему развитию производства. Поэтому важнее делать акцент не на моральных оценках этого перехода, а на прогрессе общественного производства.

Ю. И. Семенов отметил, что организация для поддержания порядка действительно существовала и в первобытном обществе, но она не была государственной. Между соб-

ственно первобытным и классовым обществами лежит переходный период, когда формируются классы и возникает государство. Процессы эти идут одновременно, но определяющим моментом является образование классов.

Доклад А. И. Першица был посвящен задачам и возможностям этнографической реконструкции первобытного общества. Остановившись на мировоззренческом, научно-познавательном и практическом значении изучения первобытной истории, докладчик уделил внимание ее месту в системе наук. Возможны, отметил он, либо формально историко-ведческий, либо содержательный подход к классификации. Первый, господствующий на Западе, ведет к пониманию первобытной истории не только как дописьменной, но и по существу как раздела археологии. Второй, принятый учеными-марксистами, предполагает ее понимание как органической части истории. Сама первобытная история распадается на два этапа, границей между которыми является возникновение на Земле ареала цивилизаций. Соответствующие этим этапам конкретные первобытные общества однотипны по формационной принадлежности, но различны по характеру развития. В связи с этим возникают особые сложности в их исторической реконструкции по археологическим и этнографическим данным, повышается роль методики такой реконструкции. В докладе был рассмотрен метод этнографических аналогов и метод пережитков и сделана попытка их дальнейшего уточнения. Основной из них — первый метод, состоящий в том, что первобытное прошлое реконструируется путем сравнения со стадияльно соответствующим ему настоящим отставших в своем развитии народов. Применение метода пережитков, как и само понятие пережитка, вызывает споры, однако думается, что этот метод сохранит свое значение, если понимать пережиток как наполненную новым содержанием старую форму и стремиться выявить ее стадияльную глубину.

При обсуждении доклада Д. Вудбэрн отметил, что этнографам приходится иметь дело не с первобытными, а с примитивными обществами, обычно находящимися в контакте с классовыми и изменяющимися под их влиянием. Ему представляется неправильным относить к пережиткам те явления духовной культуры (например, обычаи избегания), которые продолжают играть видную роль в жизни; другое дело — пережитки в материальной культуре, например, в одежде. А. И. Першиц ответил, что изменения базиса могут не сопровождаться полным изменением надстройки; у бушменов возрастных классов уже нет, а у австралийцев, при том же базисе, они сохранились и могут быть использованы для реконструкции первобытного общества. Пережитком можно считать всякое явление, если породившие его условия уже исчезли. При использовании метода пережитков следует быть осторожными; метод аналогов в целом надежнее.

Д. Вудбэрн представил доклад, посвященный особенностям экономической жизни охотников и собирателей, главным образом на примере бушменов хаذا, среди которых он проводил полевые исследования. Хаذا охарактеризованы как атомизированное общество без сколько-нибудь четко очерченных производственных коллективов. Женщины собирают растительную пищу для себя и детей, мужчины занимаются охотой, потребляя единолично мелкую добычу и делясь, однако без твердо определенных правил, крупной. В теоретической части доклада Д. Вудбэрн предложил различать два экономических типа обществ: с «непосредственной отдачей» (примитивное присваивающее хозяйство) и с «отложенной отдачей» (специализированное присваивающее и главным образом производящее хозяйство). К обществам второго типа он отнес и такие, где мужчины обеспечивают себе отложенную отдачу путем «выращивания» женщин. В качестве примера обществ такого типа он привел общество австралийских аборигенов Арнхемленда, у которых отцы получают за «выращиваемых» ими дочерей долю охотничьей добычи их будущих мужей.

Выступая с замечаниями по этому докладу, А. И. Першиц отметил, что общества с немедленной и отложенной отдачей представляют собой два варианта, а две стадии развития первобытнообщинного способа производства, причем ни к одной из них неприменимо понятие «выращивание женщин» или «женоводство». М. Годелье сказал, что общества с немедленной отдачей обычно представлены закрытыми группами. С. А. Арутюнов предположил, что в палеолите были охотники с оседлым образом жизни и достаточной добычей. Возможно, что такие группы были и в Австралии до установления там термического максимума; поэтому специфические социальные отношения австралийцев могут отражать прежний уровень производства. Л. Крейдер высказал мнение,

что вопрос об обществах с различной формой отдачи следовало бы отразить и в докладе Ю. И. Семенова о первобытной экономике.

Д. Вудбэрн отметил, что образный термин «женоводство», возможно, не вполне удачен, однако сама экономическая компенсация за сестру или дочь имеет немаловажное значение в хозяйстве. Вообще же группы, занятые охотой и собирательством, дают больше социально-экономических вариаций, чем земледельческие общества. Система непосредственной отдачи, когда пища распределяется в тот же день, может сочетаться с отложенной отдачей, и они представляют собой не две стадии, а два вида первобытной экономики.

Третьей группе проблем — «Этнография и смежные науки» — было посвящено пять докладов советских ученых: И. С. Кона «Этнография и психология», С. А. Арутюнова «Этнография и лингвистика», Л. М. Дробижевой «Этносоциологические исследования современности», В. И. Козлова «Этнография и демография», В. Н. Басилова «Исследование религий в советской этнографии». С западной стороны были представлены три доклада: М. Фортеса «Антропология и психологические науки», Д. Гуди «Письменность, критика и рост знаний», Т. Шанина «Концептуальное переосмысление проблемы крестьянства в социальных науках англосаксонских стран: 60-е годы и далее». К данной группе докладов примыкало и сообщение М. Годелье о состоянии этнографической науки во Франции.

В своем сообщении М. Годелье подразделил этнографические учреждения во Франции на те, в которых ведется только преподавание этнографии (Парижский и местные университеты), те, в которых преподавание сочетается с исследованиями (Высшая школа социальных наук и колледжи), и чисто исследовательские (Служба национальных и технических исследований за границей и Национальный центр научных исследований). Издавна существовало четкое деление на физическую антропологию, археологию и социально-культурную антропологию (этнографию); связи между этими науками стали укрепляться лишь недавно. Этнография до 1960-х годов преподавалась в рамках философии, что задержало ее развитие. Некоторые ученые левого толка считают эту науку орудием колониализма; французские этнографы, работающие в Африке, вообще предпочитают называть себя «социологами». В настоящее время этнография характеризуется повышением внимания к изучению религии, к структурализму К. Леви-Стросса, психоаналитическому подходу, а также, что особо знаменательно, — к марксизму. К советам этнографов прибегают не только историки, но и правительственные чиновники, связанные с проблемами развития африканских стран. Большое положительное значение имело стремление марксистов объединить социально-культурную антропологию и историю в «историческую антропологию». Успешно развиваются промежуточные дисциплины: этноэкология, этноботаника, этнобиология (изучение генофонда), этнография города и др. На вопрос Ю. В. Бромлей о предмете французской этнографии М. Годелье ответил, что этнографы занимаются прежде всего структурными целостностями, которые имеют внутреннюю логику, часто не осознаваемую самими людьми. Задача этнографов — выявить эту логику, используя методы, развитые в работах К. Леви-Стросса.

В докладе И. С. Кона подчеркивалась необходимость сотрудничества этнографии и психологии при оценке этнических специфических, объективизированных главным образом в культуре, явлений как со стороны самих их носителей, так и соседящих с ними этносов. В докладе освещены два круга проблем: 1) изучение национального характера, особенностей психического склада этноса и производных от него черт культуры, морально-этических норм и ценностных ориентаций; это проявляется как в собственно идеологических формах (искусство, религия и т. д.), так и опосредованно — в специфике передачи культуры, воспитания детей и т. д.; 2) изучение этнического самосознания, способов и форм осознания этнической принадлежности, ее значения, содержания этнических стереотипов, механизмов их изменения под влиянием межэтнических контактов и т. д. Обращено также внимание на нерешенные вопросы этнической психологии, особенности понятийного аппарата и т. д.

При обсуждении этого доклада М. Фортес отметил его высокий научный уровень, а также видную роль этнографов в деле изучения этнической специфики духовной культуры. Л. М. Дробижева указала на трудность изучения духовного мира, большая часть которого недоступна прямому наблюдению. Это вызывает необходимость использовать специальные методы, особенно при проведении полевых исследований. Ю. В. Бромлей

указал на две крайности в оценке этнопсихических явлений: одна из них сводится к абсолютизации этнопсихических черт, другая — к их отрицанию. Опасность раздувания психических различий у этносов заставляет нас относиться к этнопсихологическим исследованиям особенно осторожно. В СССР они начинают развиваться главным образом на стыке с этносоциологией.

В докладе М. Фортеса проводилась мысль, что для анализа и объяснения этнографических явлений, например обрядов, не нужно искать особые психологические различия народов. Описание как таковое улавливает модели мышления, верований и поведения, социальные системы и отношения; анализ же дает возможность поставить факты в контексты общих понятий, определить модели механизма комбинаций. Важно установить условия и механизм работы той или иной системы, но интересно также ответить на вопрос, почему в этой системе имеются те или иные институты, убеждения, модели поведения. Межкультурные исследования подтвердили, что познавательные и «восприимательные» (по Пиаже) способности являются универсальными человеческими способностями и варьируют в зависимости от культурного опыта. Различается лишь «культурная» окраска убеждений, иллюзий и моделей поведения. Обычай имеет смысл только в контексте социальных отношений; для полного объяснения обычая требуется обращение к психологии. На примере таллензи (Гана) докладчик пытался показать действие фрейдовского «эдипова комплекса», в обычаях, регулирующих взаимоотношения между отцом и первым сыном, матерью и старшей дочерью.

Ж. Пуйон, выступая по докладу, согласился с выводами М. Фортеса. Конфликт поколений существует во всех обществах, каждое разрешает его по-своему, но есть и нечто общее, что Фортес именуется «эдиповым комплексом». Общечеловеческое, по его мнению, не есть простое культурное сходство; скорее это общий набор возможностей, потенций, из которых каждый народ реализует ту или иную часть.

Ю. В. Бромлей отметил, что этнография и психология связаны не только в методике, но и в предметных зонах — центральных и периферийных. Если конфликт поколений и имеется, то он обусловлен не биологическими причинами, как это можно понять из термина «эдипов комплекс», а социальным. Ю. П. Петрова-Аверкиева просила объяснить, каким образом «эдипов комплекс» может возникнуть в матрилинейном обществе, и есть ли вообще общества, в которых сын действительно «претендует» на мать в эдиповом смысле. В. Н. Басилов заметил, что в докладе термин «эдипов комплекс» употребляется как во фрейдистском его понимании, так и в совершенно ином смысле. Это лишает доклад четкой концепции. Кроме того, странно, что «эдипов комплекс» приписывается только первенцу. А. И. Першиц сказал, что психологическое объяснение обычаев избегания плодотворно и разделяется некоторыми советскими исследователями, но «эдипов комплекс» мало что дает в этом отношении.

М. Фортес пояснил, что его интересует прежде всего вопрос о передаче и преемственности различных традиций. Он заключен в рамки общественного воспроизводства человека и сводится к отношениям двух поколений. Это важно для понимания сохранности этноса, этнической преемственности. Термин «эдипов комплекс» используется им метафорически, выражая идею, что любовь между родителями и детьми всегда сочетается с чувством, что дети вытесняют родителей. В обычаях избегания имеются элементы сексуальных ограничений, но суть дела — в межпоколенной борьбе. Конфликт начинается с соперничества отца и сына из-за внимания матери, а затем переходит в соперничество из-за имущества и власти. При анализе межпоколенных отношений особую роль играет первенец, так как именно его появление делает мужа и жену родителями; рождение других детей вносит количественные, а не качественные изменения. Люди с самого рождения оказываются в рамках социальных отношений, ядром которых является семья. Конфликт поколений возникает внутри этого ядра, и должны существовать какие-то установки, чтобы такой конфликт не разрушил социальных связей.

В. Н. Басилов заявил, что М. Фортес хорошо показал социальные корни проанализированных им обычаев, и попытки прибавить к этим объяснениям еще и понятие «эдипов комплекс» лишь затемняют сущность вопроса. Конфликт поколений имеет социальную, а не сексуальную обусловленность, да и деление на поколения не самое важное в анализе социальной жизни; конфликты между классами и отдельными социальными группами неизмеримо значительнее, чем противоречия между поколениями.

В докладе С. А. Арутюнова на материале трудов советских ученых рассматривалось соотношение между этнографией, изучающей этнически специфичные компоненты культуры, и лингвистикой, как наукой о языках, являющихся также частью культуры и вместе с тем основным средством коммуникации. Были выделены сферы взаимодействия обеих наук. Это прежде всего комплекс проблем изучения этноязыковой ситуации, одним из частных случаев которой является двуязычие. Далее это проблема дешифровки древних памятников, где отправной точкой является анализ культурных реалий. Было охарактеризовано также изучение культурных систем, которые отражаются в ономастике и системах родства. С последними связана возможность переноса понятийного аппарата из лингвистики в этнографию. Такова разработка кодов фиксации культурных реалий, параллелизм в закономерностях переключения языкового и внеязыкового культурного кода в межэтнических контактах, ареальные исследования и картографирование с изучением соотношения изоглос и изопрагов и т. д. В целом области интересов обеих наук разграничены достаточно четко, чтобы избежать их смешения; в то же время они обладают достаточной общностью для плодотворного сотрудничества и взаимообогащения.

Выступивший в обсуждении Д. Гуди отметил, что в докладе подняты важные вопросы, в частности вопрос об историческом анализе, который не разработан в западной этнографии. В докладе раскрыто сходство и различие между языком и другими элементами культуры. Но в докладе не уделено внимания первым работам В. Я. Проппа и П. Г. Богатырева, а также лингвистическому анализу, примененному в работах А. Р. Лурья и Л. С. Выгодского. Большой интерес представляет проблема использования лексико-статистического анализа для понимания динамики культуры.

В своем ответе С. А. Арутюнов охарактеризовал работы упомянутых лингвистов и значение структурного анализа. Он указал на необходимость проявлять осторожность при перенесении приемов исследования языка на изучение внеязыковых элементов культуры.

В докладе Д. Гуди было показано, что возникновение письменности существенно способствовало развитию процесса познания. Появилась возможность фиксации текста и «личения его вариантов, возможность подробного анализа, а следовательно, и более критического отношения к информации. Письменность способствовала переходу от донаучного мышления и познания к научному. Дальнейшее развитие научной мысли позволяет выделить последующие важные этапы, связанные с переходом от иероглифической письменности и алфавитной и с изобретением книгопечатания.

С. А. Арутюнов отметил, что при всей важности письменности необходимо учитывать и другие системы накопления информации, играющие видную роль в развитии культуры. Хотя Д. Гуди и отказывается от концепции «великих граней», выдвинутые им положения можно использовать для обоснования связи развития информации с историческими типами этносов. Дописьменному обществу с ограниченной информацией: соответствовала такая форма ЭСО, как племя. Переход к раннеклассовому обществу обычно влечет за собой возникновение письменности; с этим рубежом связано и формирование народностей. Переход к буржуазному способу производства сопровождается распространением грамотности; возникают национальные литературные языки и книгопечатание; происходит переход от народности к нации. Возможно, что НТР будет способствовать возникновению каких-то новых форм этноса. Появление алфавита не следует считать «великой гранью» в развитии знания; японцы, например, смогли создать современное индустриальное общество, не отказываясь от иероглифического письма. Алфавит имеет и свои недостатки.

К. Хэмфри указала, что письменность не всегда заставляет людей сопоставлять, рассуждать и критиковать. Есть догматические тексты, в которых верят каждой букве. Поэтому письменность может иметь не только положительный, но и отрицательный эффект консервации. М. Фортес отметил особое значение письменности для юриспруденции, Л. Крейдер — повышение роли письменности с интеллектуальным развитием общества, влияние орфографии на орфоэпию, Ж. Пуйон — связь письменности с государством. Т. Драгадзе обратила внимание на роль художественных произведений с полусказочной фабулой в культурном развитии общества; так, некоторые группы грузин, к которым грамотность проникла лишь при Советской власти, стали широко использовать в этических ситуациях цитаты из «Витязя в тигровой шкуре» Руставели.

Д. Гуди пояснил, что его больше всего интересовало развитие мышления, а оно связано со способами коммуникаций и социально-экономическими изменениями. В число важных ступеней следует включить и появление алфавита; оно сократило время, необходимое для изучения письменности, обеспечило возможность прогресса коммуникации. Не исключены ситуации, когда письменность, книги играют консервативную роль. Однако это не меняет того факта, что письменность создает условия для анализа текстов, для выявления в них противоречий и т. п. Письменность способствует упорядочению системы категорий, понятий, сохранению знаний и т. п.

Т. Шанин в своем докладе выделил три основных этапа в историографии крестьянства. Первый — начало XX в. Сельская социология в США в то время ставила задачу изучить капиталистическое развитие фермерства, ликвидацию следов «отсталости» в сельской местности. В Центральной и Восточной Европе центры по изучению крестьянства сложились в начале 1920-х годов. С конца 1920-х годов в течение почти 30 лет крестьянскому вопросу не уделялось внимания. Докладчик связывает это с экономическим кризисом в западных странах, а в Германии — с фашизмом, подавившим все радикальные течения. В СССР, по его мнению, это объясняется упразднением мелкого крестьянского хозяйства в связи с коллективизацией. С 1960-х годов в англосаксонской литературе наблюдается «взрыв» исследований по крестьянскому вопросу, что связано с крушением теории модернизации, с осознанием того факта, что развивающиеся общества «третьего мира» не в состоянии догнать индустриальные страны, а также с прагматическими потребностями и даже с интеллектуальной модой. Важны признания специфичности проблемы крестьянства, оценка результатов аграрных реформ, проводимых во многих странах. Т. Шанин отстаивал необходимость выработки интегрального подхода к изучению крестьянства, несмотря на его различия в конкретных районах; изолированное изучение крестьянства экономистами, социологами, антропологами и историками не позволяет создать полной картины. Наука не может уйти от решения вопроса о причинах нищеты крестьянства в «третьем мире» и о соотношении этих стран с капиталистическими и социалистическими.

Л. М. Дробижева отметила связь доклада Т. Шанина с обсуждаемыми проблемами симпозиума, ибо крестьянство в наибольшей степени несет этническую специфику. Уменьшение интереса к изучению индивидуального крестьянского хозяйства в СССР не привело к полному прекращению исследований сельского населения в 1930-х годах. Усиление интереса к этой тематике с середины 1950-х годов было связано не с «романтикой» деревенской жизни, а с проведением мероприятий по дальнейшей перестройке сельского быта. В последние десятилетия в республиках, где идет ускоренный рост интеллигенции (например, в Средней Азии), она формировалась в значительной степени за счет недавних сельских жителей, сильнее сохраняющих этнические особенности. Это накладывало свой отпечаток на облик интеллигенции и в какой-то мере с этим связан подъем интереса к национальной культуре.

В. И. Козлов выразил согласие с основными выводами доклада о факторах, вызвавших интерес к крестьянству. Крестьянство составляет большинство населения мира и играет важную роль в обществе. Однако необходимо отметить изменение этнической роли крестьянства. В XIX в. в русской литературе крестьянство считалось основой этноса; горожан и особенно рабочих соотносили с этносом лишь постольку, поскольку они были связаны с крестьянством. Теперь положение изменилось. Центр этничности перемещается в города. Все это вызывает необходимость пересмотра некоторых старых положений. Т. Драгадзе указала на безуспешность попытки этнографов США объяснить бедность крестьянства стран Южной Европы и «третьего мира» психологическими особенностями, подчеркнула необходимость учета социальных условий. Ю. В. Бромлей отметил, что возрождение интереса к национальной культуре учитывает лишь одну из двух объективно существующих тенденций в современном развитии культуры. Поэтому значительное внимание советские ученые обращают на протекающий процесс этнокультурной интеграции.

Т. Шанин выразил согласие с тезисом об изменении этнической роли крестьянства. Но его социальная роль еще очень велика. Крестьянство исчезает гораздо медленнее, чем думали Г. В. Плеханов и К. Каутский. Более того, развитие промышленного капитализма в одном обществе может способствовать воспроизводству крестьянства в другом. Работы восточноевропейских, в частности русских и советских, исследователей

крестьянства продолжают оставаться образцом для западных ученых, однако и советские, ученые, по его мнению, недостаточно используют доставшиеся им в наследие материалы обследований крестьян во второй половине XIX — начале XX в. Самое важное в научном отношении — признать экономическую и социальную специфику крестьянства.

В докладе Л. М. Дробижевой отмечено, что этносоциология изучает современность, взаимодействие этнических, собственно социальных и социально-психологических явлений, прежде всего механизм этого взаимодействия, в отличие от исторической социологии, которая обращена в прошлое и занимается всеми аспектами жизни этноса. В докладе были показаны основные направления и особенности методики этносоциологических исследований в СССР. Оспаривалось мнение о том, что этнография отличается от этносоциологии методами познания. Круг вопросов, исследуемых советскими этносоциологами, близок к тем, которые рассматриваются этнографами и социологами Запада, изучающими межгрупповые этнические отношения (классический пример — работа Томаса Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»). Но если в подобных исследованиях внимание концентрируется на этнических меньшинствах, то в СССР объектом исследования являются прежде всего крупные народы союзных и автономных республик. Кроме того, этносоциология в СССР рассматривает изменения социально-культурных характеристик с целью изучения развития народов и направлений этносоциальных процессов.

В. И. Козлов попросил докладчика разъяснить, какие стороны жизни людей или какие установки на поведение определяются (по материалам этносоциологических обследований) преимущественно этническими факторами. М. Фортез заметил, что современное экономическое развитие и урбанизация повсеместно влекут за собой уменьшение этнической специфики. Э. Геллнер спросил, существуют ли в СССР механизмы, аналогичные интеграционным «плавильным тиглям» США, и этнические общности низшего по сравнению с другими статуса. Л. М. Дробижева пояснила, что этническими факторами определяется поведение в отдельных аспектах быта, особенно в установках на межэтнические браки. Урбанизация ведет к сложению у горожан различной национальности единого образа жизни, но в разных социальных слоях этот процесс идет неодинаково. Активно он протекает в среде квалифицированных потомственных рабочих. Более своеобразно он идет среди интеллигенции, которая по своему образу жизни интернациональна. Однако художественно-творческая интеллигенция сильнее всего ориентирована в этническом отношении. Это связано с ее ролью в воспроизводстве национальной культуры. Процесс «сплавления» национальностей в городах СССР является естественным и добровольным. Что же касается статуса различных этносов, то в СССР с самого начала проводилась политика их выравнивания (в области образования, социального представительства и т. д.). Л. М. Дробижева охарактеризовала итоги этой политики, выразившиеся в росте рабочего класса и интеллигенции у всех народов, в том числе в прошлом отсталых.

Ю. В. Бромлей обратил внимание на то, что в «плавильных тиглях» городов СССР нивелируются не религиозные различия (в условиях атеизма уже несущественные), а культурные различия, отчасти связанные с былой религиозной принадлежностью. Такие «тигли» действуют как в региональном (Кавказ, Средняя Азия и т. д.), так и во все-союзном масштабе; большое значение в этих процессах имеет распространение двуязычия — 3/4 населения страны говорит сейчас по-русски или пользуется русским языком. Однако нивелировка одних элементов национальных культур сопровождается возрождением некоторых других элементов, получающих как бы «вторую жизнь».

В докладе В. И. Козлова были подробно показаны различные стороны и механизмы взаимодействия этнографии с демографией, прежде всего при учете количественной стороны этнических явлений (т. е. по вопросам этнической статистики) и при изучении этнодемографических процессов. Со стороны этнографии такое взаимодействие вызвано необходимостью изучения динамики численности народов (как основных объектов этой науки), а также динамики этнографических, расовых и религиозных групп; со стороны демографии — необходимостью углубленного анализа этнических аспектов процесса воспроизводства населения и влияния на этот процесс отдельных этнических факторов. Учитывая большое значение в современном мире проблем народонаселения, В. И. Козлов рассмотрел взаимодействие этнографии и демографии при ис-

следовании причин дифференциации рождаемости и смертности у различных народов мира.

При обсуждении этого доклада Т. Драгадзе поставила вопрос о причинах долголетия в ряде областей СССР и необходимости изучения этих причин этнографами. Л. М. Дробижева отметила роль этнических факторов в миграционных процессах, а Ю. В. Бромлей высказал мнение о целесообразности изучения миграций в рамках демографии. Д. Вудбэрн сообщил, что авторы последних работ по обществам с присваивающим типом хозяйства (например, бушменам) отмечают сравнительную легкость самообеспечения их пищей, а также низкую заболеваемость; в связи с этим встает вопрос о причинах небольших темпов роста их численности.

В. И. Козлов отметил, что долголетие обусловлено как генетическими, так и социальными, в том числе культурно-бытовыми, факторами, в связи с чем оно может иметь этнический аспект. Миграции, по его мнению, входят в предметную зону не демографии, а уже сформировавшейся научной дисциплины — географии населения; демографы учитывают их лишь постольку, поскольку они влияют на естественное воспроизводство населения. Вместе с тем он отметил важность изучения миграций и для этнографов, а также влияние, оказываемое на миграции этническими факторами, в частности различием языка и культурно-бытовых характеристик в местах выхода и местах оседания мигрантов. Слабые темпы роста численности населения в доземледельческих обществах В. И. Козлов объяснил бродячим образом жизни, при котором мать может носить только одного младенца, и длительным периодом лактации, что влияло на увеличение послеродовой стерильности женщины. Возможности для расширенного воспроизводства населения создаются лишь с переходом к оседлости и развитием земледелия и скотоводства.

В. Н. Басилов в своем докладе дал обзор основных работ советских этнографов, посвященных исследованию религиозных верований. Этнографы изучают религию как часть духовной культуры народов, тесно связанную с другими ее элементами. Этнография дает материал для сравнительного изучения религиозных верований в рамках общего религиоведения. За последние десятилетия собраны обширные сведения о верованиях каждого народа страны, разработаны различные классификации религий (С. А. Токарев, И. А. Кривелев).

К. Хэмфри спросила, как советские ученые согласуют концепцию зависимости надстройки от базиса с тезисом об относительной самостоятельности религии. Ее интересовали также причины живучести некоторых архаических верований у народов СССР и значение изучения шаманства в Средней Азии. Ж. Пуйон предложил докладчику разъяснить тезис об отражении религией социальных потребностей некоторых общественных групп. По мнению Ж. Пуйона, религия удовлетворяет потребности общества в целом, ибо всем людям нужны целостные представления об окружающем мире, а последние составляют важную часть религии. Ж. Пуйон сказал также, что хотя магия — часть религии, их полезно различать; можно видеть в магии предшественницу науки, а в религии — предшественницу философии.

В. Н. Басилов пояснил, что, изучая конкретные религиозные явления, нетрудно выделить как черты, непосредственно обусловленные базисом, так и элементы, коренящиеся лишь в культурной традиции. Он привел пример по шаманству в одном из районов Узбекистана: функция шамана передавалась по наследству в пределах родственной группы, шаман (шаманка) обслуживал в первую очередь эту группу. Здесь видна связь культа с общественной структурой. Но почти вся совокупность сохранившихся верований и ритуалов имеет лишь исторические корни: так, образы духов-помощников шаманов сформировались в глубокой древности. Далее, в настоящее время этнографами отмечена тенденция верующих отбирать из религиозного мировоззрения то, что им кажется более подходящим в новых условиях жизни. При этом в быту еще сохраняются некоторые архаические верования и обряды. Это не новое явление в истории религии. И раньше у каждого народа примитивные верования и ритуалы сосуществовали с идеями поздних религий, придавая им этническую специфику. Сейчас, в ходе общего отрицания религии, забываются и архаические поверья. В религии отражены социальные потребности разных уровней — от небольших общин до классов (например, потребности угнетенных классов отражены в некоторых идеях христианства). Конечно, определенная система идей должна удовлетворять все общество в целом, но эта система необя-

зательно должна быть религией. Магия как элемент религии основана на представлениях о сверхъестественном; отношение между ними есть отношение между частью и целым.

Доклад К. Хэмфри был посвящен главным образом шаманству среди монголов и их северных соседей — бурят и тунгусов. Рассматривались различные формы шаманства и концепции его происхождения (по Элиаде, Широкогорову и другим ученым) с выделением еще нерешенных вопросов. Появление шаманства докладчик отнес к древнемонгольскому периоду; отмечалось, что ламаистская форма буддизма, которая проникла в XVII в. из Тибета в Монголию, а в XVIII в. в Бурятию, была синкретической, содержала элементы тибетского шаманства. Сохранение шаманства у западных бурят в отличие от восточных, принявших ламаизм, К. Хэмфри объясняет медленным экономическим развитием первых, сохранением среди них культа предков, клановой системы. Отвечая на уточняющие вопросы В. Н. Басилова и Л. Крейдера, К. Хэмфри пояснила, что под шаманизмом понимает религиозный культ со специальным служителем, который общается с духами в состоянии транса; характерна вера во вселение духов в тело шамана или в выход души шамана из тела. По мнению К. Хэмфри, функционально шаманизм является средством преодоления несчастий. В нем нет системы иерархий духов, закрепленных правил; шаманы не объединены организационно, не имеют общей собственности. Обычно шаманизм сосуществует с другими верованиями (культом предков, буддизмом, исламом и т. п.).

В ходе прений Ж. Пуйон выразил несогласие с тезисом В. Н. Басилова об универсальности шаманства и с тезисом К. Хэмфри о связи одержимости с шаманством. По мнению Ж. Пуйона, при взаимоотношениях с духами шаман является не объектом, а субъектом; он борется с ними. В. Н. Басилов счел наиболее правильным определение И. А. Кривелева, по которому шаманство является культом, характерным для эпохи полидемонизма. В. Н. Басилов нашел неточными определения шаманства, данные К. Хэмфри, в частности указание на функцию борьбы с несчастьями, ибо последняя присуща всем религиям. Основная идея шаманства — посредничество между группой людей и духами, причем характерно, что шамана, согласно поверьям, в качестве «посредника» выбирают духи, а не назначает коллектив, в котором он живет. Не обязательно, чтобы у всех африканских народов было шаманство, близкое по форме к сибирскому, но закономерно ожидать на определенной стадии религиозного развития культа с эквивалентными шаманству функциями. В этом смысле шаманизм универсален.

Итоги работы симпозиума были подведены в заключительных выступлениях М. Фортеза и Ю. В. Бромлея.

В целом симпозиум сыграл важную роль в деле показа достижений советской этнографической науки и вместе с тем способствовал более глубокому пониманию современного состояния зарубежной этнографии, критическому анализу ряда ее методологических положений, в частности структурализма. Выяснилось, что западные ученые, накопив обширный фактический материал, стремятся к его концептуальному осмыслению; чувствуя при этом недостаточность принятых в буржуазной науке общеметодологических положений, они все чаще обращались в связи с этим к марксизму, к теории исторического материализма. Такое стремление, естественно, находит поддержку у советских ученых, однако усиление эффективности их влияния на западных ученых требует более широкой популяризации достижений советской этнографической науки, а также дальнейшей разработки ряда проблем, в частности более глубокого изучения механизма взаимодействия базиса и надстройки в генезисе этнических явлений для объяснения этнокультурной специфики народов мира. Дискуссии на симпозиуме несомненно способствовали взаимному уяснению взглядов по многим обсуждавшимся вопросам. По отдельным проблемам, включая такие важные, как признание этноса основным объектом этнографии, необходимость историзма (даже при структурном подходе) и т. п. было достигнуто единство точек зрения. Все это создало хорошую базу для продолжения таких плодотворных дискуссий в будущем.

В. И. Козлов